

ЕВГ. ВІНОКУРОВ

ЗРЕДИЩА

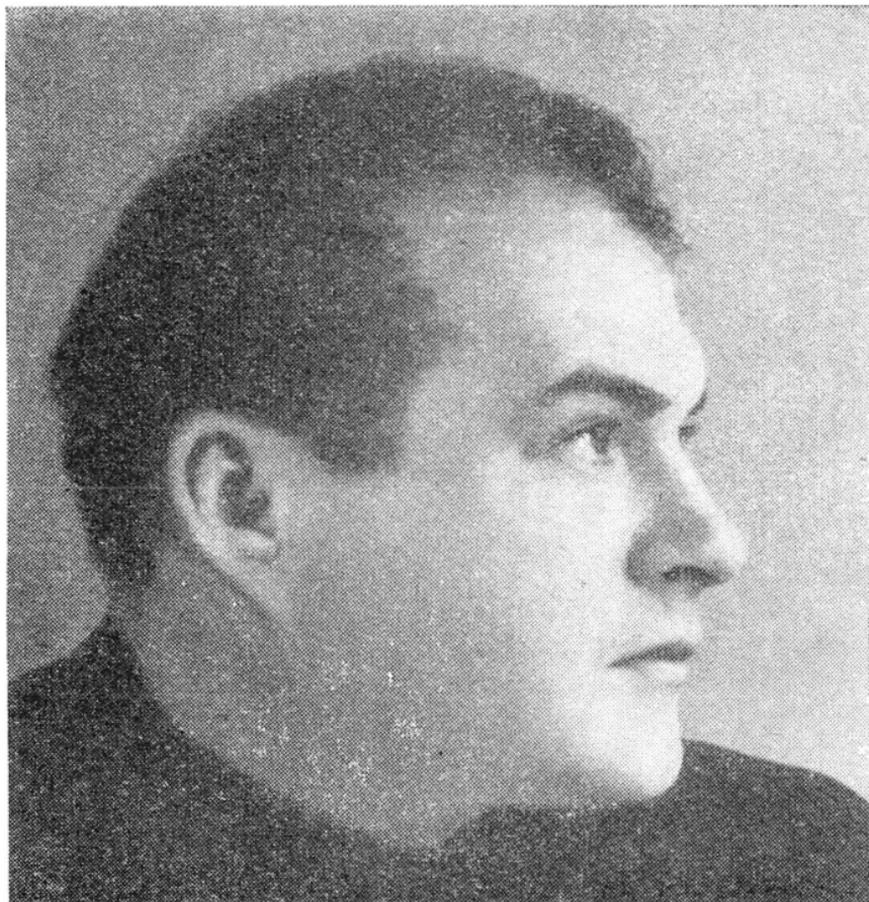

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

З Р Е Л И Щ А

Новая книга Евгения Винокурова цельна и гармонична, как хорошо построенное здание. Все напряженной работа поэта над словом, все зорче вглядывается он в мир и современность, все пытливей и беспощадней его мысль.

Поэт сурово и неподкупно славит жизнь во всей ее сложности. Он знает цену жизни, ее глубине, ее разнообразию, ее богатству.

ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

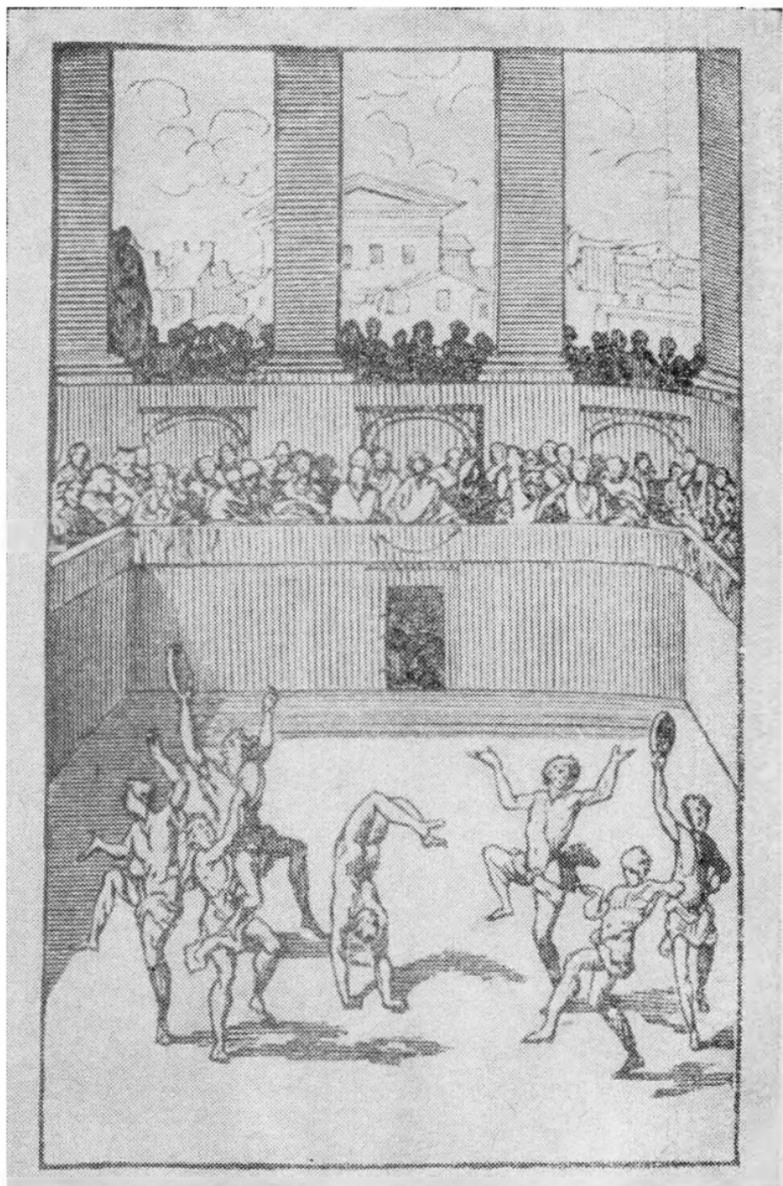
ЗРЕЛИЩА

С т и х и

Советский
писатель

М о с к в а

1 9 6 8

АРТИСТИЗМ

Прославляю актерство —
Парик, декорацию, грим...
Как я жил, как я терся
По кулисам, актерство, твоим!

...Вот галоши разули,
Разделись, в карман номерок...
И уже в вестибюле
Мы слышим: гремит монолог!
Как в колодце костела
Органа стотрубная медь,—
В том величье актера,
Чтоб мрачно с подмосток греметь.
Скажут: — Бросьте, забава-с!..—
Но мы аплодируем с мест
За лукавство, за пафос,
За все разрешающий жест...
Как энергией тола,
Когда дотлевают запал,
Вдруг улыбкой актера
Застывший взрывается зал.

Пусть не громкого роста,
Пусть меч слишком тяжек и щит,
Верим мы в благородство
Того, кто с эстрады кричит.

Нам, пожившим, матерым,
И то не без пользы подчас,

Коль назвался актером,—
Учи!.. Мы подремлем, учась...

Прославляю за эти
Слова, что подчас пламят!
И за то, что в буфете
В антракте я пил лимонад.

За твои водевили
Тебя не забуду по гроб!
Ноги мне отдавили,
Когда я бежал в гардероб!

При цилиндре, при трости,
Монокль и наследственный тик!..
Прославляю, притворство,
Притворщиков главных твоих!

Только искра запала —
И вот уж и все ремесло!..
Семя в детстве упало,
И семя — смотри — проросло!
Привставал я из ложи,
И действие я прерывал...

Прославляю за слезы,
Которые я проливал!

...Ждет весь месяц зарплаты!..
При муторном свете кулис
Снимет тогу и латы,—
Да он же потаскан и лыс!

Красен нос его, право!
Да ведь не святой же он, чать! —
Так какое же право
Дано ему всех обучать?!
Верить всякому вздору?!
Но я возраженья сниму:
Коль не верить актеру,
Тогда уже верить кому?..

Мы уверуем сами
В восторг риторический твой!
Засыпай нас словами —
Словами засыпь с головой!

...Бог поэзии с лирой,
А около — девять сестер...

Жизнь идет,— декламируй,
На то же ведь ты и актер!
Расщепленным фальцетом
Руби наступившую тишь...
Декламируй,— подцепим
Мыслишку какую, глядишь!

К нарисованной ране
Притронься — и сразу же в дрожь! —
На немислимой грани,
Где сходятся правда и ложь!

Кровью всей искупая,
Что это всего лишь игра!..
Чтоб слезинка скупая
По глупому гриму текла.

Чтобы краскою синей
Подглазья, а рот чтобы — ал...
Сатанинской гордыней
Чтоб зрителя профиль пугал!

Горло стиснет незримо
Рыданий твоих мастерство!..
Убедительней грима,
Быть может, и нет ничего!

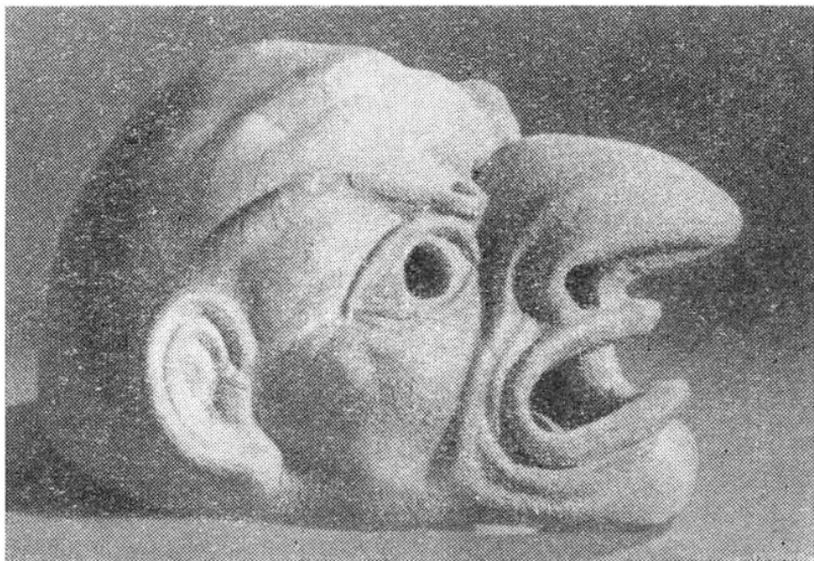
И не ртом уж, а пастью...
Накинутый плащ на плечо!
Искаженное страстью
Актер к нам выносит лицо.

Если ж слово вдруг мимо
Просвищет, как будто копье,
Ничего: пантомима
Тут сделает дело свое!
Для чего же словами?
И жестом все можно создать!
Да одними бровями
Ты зал приневолишь рыдать!
То как корчась на дыбе,
То словно вбегая на луг,—
Сколько мысли в изгибе
Причудливо вскинутых рук!

Как деревья и травы,
Так гнется пред публикой мим.
Были б гибки суставы,—
Что надо изобразим!

Зритель крикнет:— Умора! —
Иль вздрогнет, наоборот...

...Словно кратер,— актера
Дымится трагический рот...

МОЕ МАСТЕРСТВО

Мое мастерство, ты особого рода.
Ты мяч тот, что с силою послан в ворота. ,
Удар в лобовую, ты голая суть,
Ты — как там? — кратчайший меж точками путь.

Мое мастерство, ты особого рода.
Нет, ты не метафора, ты не острота.
Подайте мне смысл! — для чего мне слова?
Мое мастерство — избежать мастерства.

ВДОХНОВЕНИЕ

Нет, не гордое паренье!..

Вид у ней нехитр и прост:
Ящерица вдохновенья
Ускользнет, оставив хвост...

И опять дневной прогулкой
Ожидать тебе дано,—
Что — и скользкою, и юркой —
Вновь подкрадется оно.

ПИРЫ

На то указывал Гомеру
Нравоучительный Платон:
Кто перешел однажды меру,
Тот вечно будет посрамлен!

В людские не вмещаясь сроки,—
У них не чаша, а ушат! —
Все пьют гомеровские боги,
Все жрут, горланят и грешат.

Края одежд, пируя, мочат
И, жертвенный вдыхая чад,
До неприличия хохочут,
Воруют, тискают девчат.

Платон — он ужас чует края,
А складки мантии белы,
Глядит он, головой качая,
На бесконечные пиры.

★ ★ ★

Моего поколения люди,—
Сколько боли, потерь и утрат!..
И глаза, словно капельки ртути,
Все на месте никак не стоят.
Вот седины, вот мощные плечи...

Артиллерию выгнав в луга,
Вы ломали ведь в юности бреши
В укрепленных районах врага!..
Вы в глубоких разведках седели,
Заставляли народы дрожать...
Вы на долгих собраниях сидели
И порою боялись дышать.
Вы кромсали круги каравая,
Батальон подымали на дот.

Лизоблюдов улыбка кривая
Так, ребята, ведь вам не идет!..

Моего поколения люди,
Мы ушли, отработав, в запас.
Я чего-то стыжусь, а по сути
Мне бы надо гордиться за вас.
Мы сидим, словно перед заданьем...
И как в муке кричим родовой.
Так давайте же песню затынем,
Этот хриплый припев фронтовой.

Мы бывали пьяны и тверёзы:
Сколько чаш — этих горьких цыкут!..

Мы поем, и серьезные слезы
По серьезным морщинам текут.

* * *

Предан праведный субботе,
Предан солнцу древний грек...

Но еще всегда свободе
Поклонялся человек!
Он искал ее повсюду.
Он из городов бежал.
Он под парусом посуду
В океаны снаряжал.

Рвал кольцо, как рвут медведи,
С кровью, с мясом, из ноздри!..

Он искал вокруг — на свете.
И в себе искал — внутри.
В пьяной удали, в веселье
Гнал коня, согнувшись, в Сечь...
На колена падал в келье,
Посреди коптящих свеч!
Отбуянив, не стеляя
Шел на плаху к палачу...

...Я теперь тебе, родная,
Ею — за любовь плачу...

ВЕЩИ

Я глубоко уверен в том, что вещи
красноречивей всяческих речей...

Вот колокол,— он созывал на вече
лудильщиков, кожевников, ткачей.

Вот горн,— им якобинцы возвестили,
что кончилась на свете эра зла!..

Вот кочерга, которой в Освенциме
помешивалась белая зола.

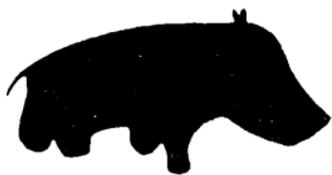
* * *

В замке плакала принцесса!..
Все маркизы и князя
Знали: этого процесса
Задержать уже нельзя.

...Акробаты, лицедеи,
Безобразные шуты,
О, насколько вы слабее
Той плаксивой красоты!

Скоморохи скачут мимо,
Скачут, с воем, мимо... Пусть!

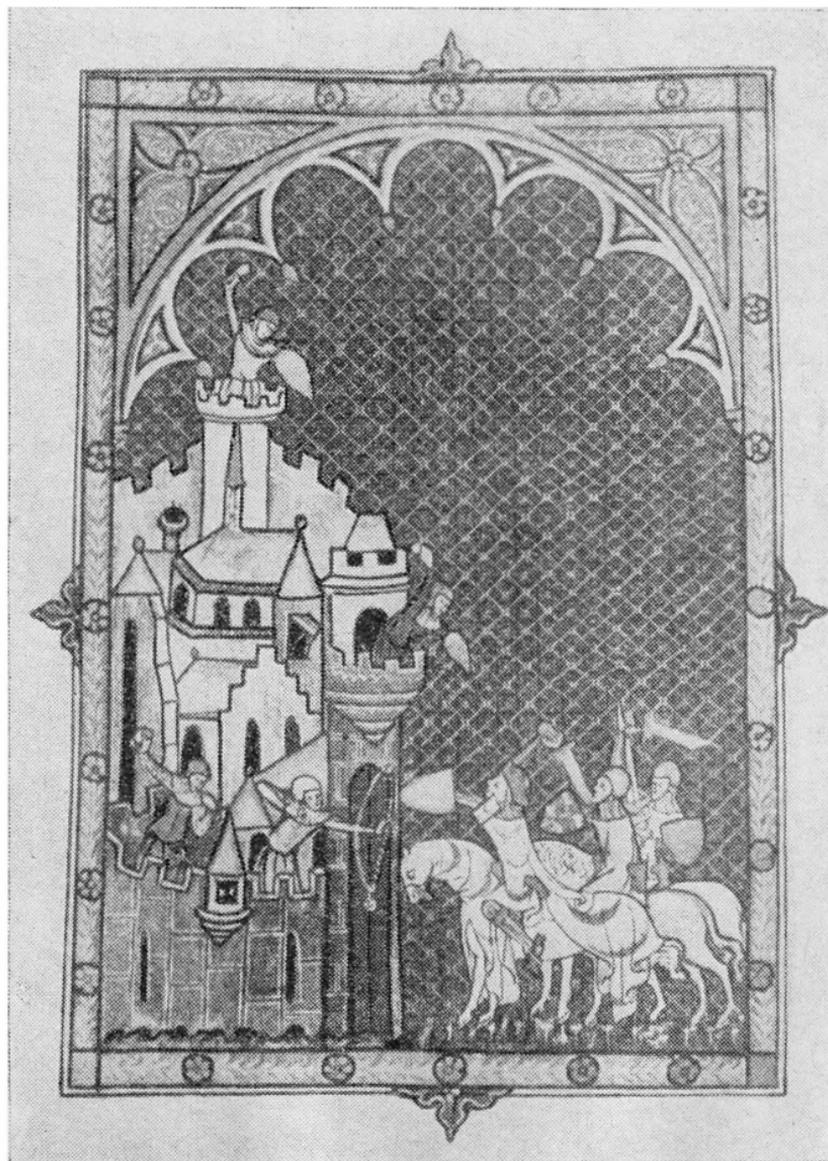
Юности необходима
Та воинственная грусть.

ХВАТКА

Всё волки да бизоны
На кварце древних скал,
Но собственной персоны
Творец не высекал...
И палицей недаром,
Зверья, наповал
Тогда одним ударом
Бизона убивал.
В рогах косматый череп
Нес в стойбище родни,—
Иначе ведь не пели б
Вокруг огня они!
...Лежало тело лани.
Не сдерживая пыл,
Припав к открытой ране,
Он кровь, со стоном, пил.
И ни во что не метя:
Вот, дескать, я какой! —
Распарывал медведя
Он тою же рукой.
Торчала рукоятка
Из горла,— выл медведь...

Нужна, однако, хватка,
Чтоб рисовать уметь!

КРЕСТОНОСЦЫ

У того, видать, стезя прямая,
Кто подспудным пламенем палим!..

Крестоносцы перли, принимая
Каждый город за Иерусалим.
Били, жгли, топтали и ломали,
Уводили жителей в полон...
А потом плечами пожимали,
Удивясь:— Так это же не он?! —
...И опять — вдали заметив шпили
И забрала опустив до глаз,
— Уж не ошибемся,— говорили,—
Мы на этот раз!

ПРОРОК

И вот я возникаю у порога...
Меня здесь не считают за пророка!
Я здесь как все. Хоть на меня втроем
Во все глаза глядят они, однако
Особого провидческого знака
Не могут разглядеть на лбу моем.

Они так беспощадны к преступленью!
(Здесь кто-то, помню, мучился мигренью?)
— Достал таблетки?! Выкупил заказ?
— Да разве просьба та осталась в силе?..
— Да мы тебя батон купить просили!
Отправил письма? Заплатил за газ?..

И я молчу. Что отвечать — не знаю.
То, что посеял, то и пожинаю.
А борщ стоит. Дымит еще, манящ!..
Но я прощен! Я отдаюсь веселью!

Ведь где-то там оставил я за дверью
Котомку, посох и багряный плащ.

АЗИЯ

Она поет, горланя, Азия,
В пестронародной тесноте...
Подобного разнообразия
На свете я не знал нигде!

Нательною рубахой хвастая
(На то была в райторге бронь...),
Лукавоглазая, скуластая,
Она, рыдая, рвет гармонию.

Так до зубовного скрипения!..
Вот так, как бы срываясь в ад,
От варварского нетерпения
Я чую в горле перехват.

Прошла, накинув шаль пунцовую,
В горпарке гневно проплыла...
Мы пили, взяв в ларьке «перцовую»,
Так что посуда со стола!

Газеты четырехполосные!..
Летим — тулупы нараспах.
Машины вязнут здесь трехосные,
Хотя их скаты все в цепях.

И ярости, и косоглазия,
И лиц приплюснутых полет!..

Она поет, горланя, Азия,
Она и пляшет и поет!

★ ★ ★

И тогда приходит старость,
И пойдем мы вдруг тогда:
Самобранкой скатерть стлалась
В наши лучшие года!

И на том безбрежном пире,
На весенних сквозняках,
Что мы ели, что мы пили,
Не припомним мы никак...

Мы тогда бы вдаль отбили:
Точка. Точка. И тире...

«Стопки мы не пригубили
На том праздничном столе!»

ЗАЦЕПКА

А все-таки в мире нужна мне зацепка,
Чтоб не был я будто случайная щепка
На гребне, бродяга иль аноним,
Чтоб не был, как пасынок, миром гоним...

А все-таки в мире нужна мне зацепка,
Чтоб крепко сидел я на грядах, как репка,
И веки чтоб сам — когда буду без сил —
Закрыл бы и землю бы отпустил...

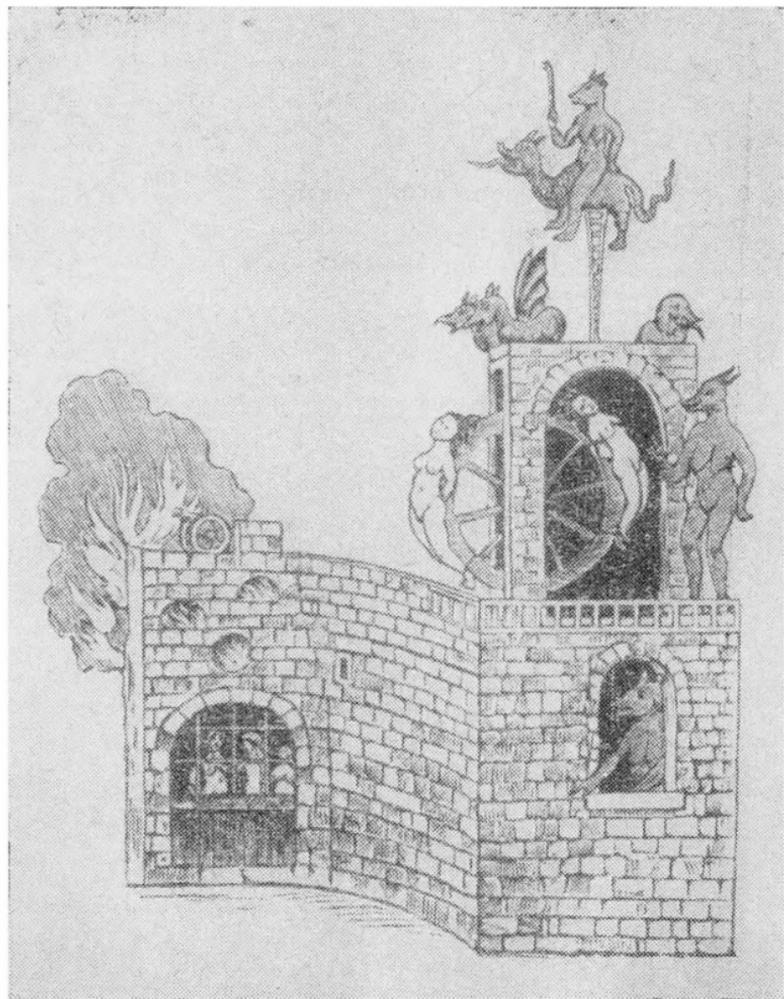
* * *

Вечно: «Запрещено!»
Или: «Не по плечу!»...
...Но вопил я одно
Что есть силы:— Хочу!

«Стой!» — кричали.— «В объезд!»,
«Цыц!», «Довольно!», «Нельзя!»...

Указующий перст
Подымался, грозя.

«Поворачивай вспять!»,
«Хватит!», «Слушайся!», «Чу!»,
«Осади!»... Но — опять
Что есть силы:— Хочу!..

ЛЕТОПИСЕЦ

Вяя чистую быль от нелепиц,
Проходя между бездн и высот,
Летописец-старик, страстотерпец,
Страшный крест свой по жизни несет...

Там кого-то забили в железа,
Кто-то спущен был с башни в проем,
Тот преставился, «иже зареза»
Брата в Гжатском именье своем.

Очи скорбные, жидкие пряди.
От дворовых свободен работ,
Только правды единственной ради
Он скребет, и скребет, и скребет...

Что послы возвратились из Рима
И кто питан на днях колесом...
Будто так уж необходимо
Нам об этом узнать обо всем!

За бойницей гудят христиане.
Им плевать, если, глубже на дно
Опускаясь, в ночном океане
Будет прошлое погребено.

Лишь один он, исполненный страхом,
Слыша в сердце неведомый глас,
Все скребет... «Аз смиренно писахом»
Не смыкает вдавившихся глаз.

Мелочь былей, что нету дороже,
Словно бусинки нижет на нить
И трепещет от ужаса: «Боже,
О не дай ни одной обронить!»
И во взгляде огонь святотатца,
И перо расщепил на листе:
«О не дай ни одной затеряться
В бесконечной твоей пустоте!»

Быть нельзя и худей и забитей,
Но, как змий-искуситель, умен:

«Что он значит, твой мир, без событий,
Без характеров, дат и имен?»

ОН

Здесь деревьев разных смесь.
Много дел ученых!
Этот парк посыпан весь
Кирпичом толченым...

Я увидел здесь себя:
Около распутья
Он, нелепый, бил, сопя,
Теплой лапой в прутья.

Он узнал себя во мне,
Странен и громоздок...
Он как невзначай вчерне
Сделанный набросок.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Я научился понимать
Явления большого ряда...

Меня вела за ручку мать
Туда, на таинство парада...

Сперва пехоты шли полки.
Вдруг пушки — без конца и края!..
И, страшно выкатив белки,
Я только охнул, обмирая.

Людей пугая не со зла,
В воинственных доспехах бранных,
Мощь государства снизошла
В знаменах. В трубах. В барабанах.
И чтобы шире даль была,
На плечи взял меня верзила...

Меня до пяток потрясла
Вдруг государственности сила!

Бьют в камень миллионы ног.
Пехота движется морская.
И маршал, вытянув клинок,
Стоит, колонны пропуская.

И снова ужас охватил
Мистический, как и вначале,
Когда о стонущий настил
Тупые танки застучали.

...На площади клочки сенца.
Дрожит под маршалом кобыла...

И государство, как птенца,
Меня крылом своим накрыло.

• • •

Где ты, русский степенный мужик с бородой,
С головой, постным маслом густым политой,
Что отвозит горшки гончарам на обжиг?!
Где ты, в белой посконной рубахе мужик?..
Ты уже парикмахером голо обрит,
Ты помятой копçonкою сверху покрыт...
Но ты так же раздолен и так же велик,
В пиджаке ширпотребовском,
русский мужик!

ИЛЛЮЗИЯ И ХЛЕБ

Меня и гнуло и ломало
Затем, чтоб в трудностях окреп...
Ведь человеку надо мало,—
Нужны: иллюзия и хлеб...
И занимал я место рано,
Когда души нет ни одной.

...С неимоверного экрана
Мир раскрывался предо мной!
Центростремительная сила
По мановению руки
Меня тогда переносила
На дальние материки!..
За полминуты до отбоя
В квадрате белом на дворе
Видал влюбленного ковбоя
С красавицей в одном седле...
...Потом на нарах поздним часом
Все это — вновь! — переживал
И, спрятанную под матрасом,
Горбушку черную жевал...

★ ★ ★

Лежачих не бьют...

Любят падчерицы мачех.
Я слышал в болотцах рачьих
Свист. Но я вас потрясу:
Я видал, как бьют лежачих
Каблуками по лицу!

Хвост цыган пришил кобыле.
Было раз — скалу разбили
Криком: «Отворись, Сезам!»

...Я видал: лежачих били
По глазам и по слезам...

Я РИСУЮ СОЛНЦЕ

Я наморщился. Я минуту соображаю.
Я малюю деревья. Я на ветке рисую галчат.
А над домом я солнышко изображаю:
Я рисую лучи — пусть упрямо, как палки, торчат.

Я — язычник. Страдания я ненавижу.
Я хочу наслаждаться. Нахален и лют.
Солнце, будто бы бабу, бесстыжу и рыжу,
Я малюю. Лучи во все стороны бьют.

Солнце я начертал выше дома и сада.
Пусть ломается грифель. Я дальше скребу.
Нажимаю сильней. Сколько наглости надо,
Чтобы так рисовать! Оттопырил губу.

Я рисую лучи, что красны и разлапы,
Что прокалывать станут осеннюю мглу.
Пусть окончится лист, я чертить буду солнце, хотя бы
Мне прямые пришлось проводить по столу.

* * *

Я люблю людей угрюмых...
Эти — словно корабли,
Медля, то провозят в трюмах,
Что с трудом приобрели.

Ненавижу белозубых,
Не люблю весельчаков.
Я боюсь румянцев грубых,
Ослепительных очков!

Первые и в споре резче...
Знают: мир решен вчерне.
И угрюмо видят вещи
В их последней глубине.

★ ★ ★

Ничто на свете пусть не окропит
Земли, звездой растрескавшейся в зное...
Вращается в орбитах и скрипит
Мое сухое яблоко глазное!
Нисходит часто сухость неспроста.
Подчас такая сухота в гортани,
Что вдруг как бы немеет полость рта
И судорога при глотаньи...
Будь просто сух, как отлетевший сук,
Как снег бывает сух при стуже,
Как протокол ночной, будь только сух,
И с каждым днем будь суше, суше, суше...

КАТАНЬЕ НА ТРОЙКЕ

На свете существуют толки
Различные на этот счет...

Но пафос бесшабашной тройки
Меня по-прежнему влечет.
Ведь все-таки идет на убыль
Под натиском идущих дней
И нерасчетливость и удаль,
Так тесно связанные с ней!
...На повороте сани кривы,—
И вот сугроб! — еще чуть-чуть!..
И конские скосились гривы,
А песня пробивает путь!

...Что тройка? Так, казалось, мало!
Но не корысть, но не дела!..

Она так просто подымала
И к бесконечности вела.

На двох доріг стоне Замину аа потім часъ тозову тямать подрігу свою арину
 Куда мнѣ гна лизьма прятна ипласаню пенн вєсма задорна зантранжє ридо
 сть вєнєдєтє нєсь твоє боушєн горбатом любимю мою лєсню поєнєрє
 бєлє нєлєду дє тєкудє суднє тямать вєндє

СМЕХ

Хохочут боги у Гомера,
Схватясь руками за бока,—
И эхо гулко прогремело,
Как будто в коридор, в века.
И тех богов громовой гогот
До сей поры для нас пример...
Лишь добряки смеяться могут!
Хихикать может лицемер.

Когда услышишь, как в гортани,
Подобно грому горных рек,
Вдруг возникает клокотанье,—
То значит, весел человек!..

Пускай толстяк, давясь от смеха,
Стирает пот, как при жаре,—
Смех, он священнее, чем Мекка! —
Так пусть трясется, как желе!
Пусть где-нибудь за рюмкой, в блинной
Среди районных забулдыг,
Худой старик хохочет, длинный,—
Пусть ходит вверх и вниз кадык...

Над всем — над миром, над собою,—
Пусть будет поводом пустяк!
И в одиночку, и гурьбою,—
И без причины — просто так!

И ничего тут не поможет,
Когда какой-нибудь трепач

Вдруг смех утробный вызвать сможет,
Почти переходящий в плач!..

От кепки и до самых стелек!..
Трясутся в голове мозги!..

Но есть и страшный смех истерик,
Смех ужаса и смех тоски!..

Пускай, шатаясь, как от качки,
От смеха рот открыт, как пасть!..
Давясь, садятся на карачки,—
Смех может навсегда заклсть!

Повизгивает пусть кокетка,
Порозовевшая слегка,
Трясется пусть грудная клетка
Подвыпившего моряка.

Как уши натирают снегом,
Как вкус лекарства на губе...
Есть в мире очищенье смехом,
Ведь вправду, смех — возврат к себе!..
Твой жребий как бы ни был горек,
Но испытать обязан ты
Смех, изнуряющий до колик,
До судорог, до хрипоты.

...Гремит по коридорам эхо
Хохочущего чудака!..

Что говорить: но тайна смеха,
Как тайна плача, глубока.

ЗРЕЛИЩА

Ты незаметно все-таки созреешь
Для постиженья острой новизны.
Ты ночью возвращаешься со зрелищ.
Ты будешь спать. Ты будешь видеть сны.
Я полагаю, нету балагана
Пестрей, чем жизнь. Я в памяти припас
Гром мотоциклов, пафос барабана,
Веселость масок и тоску гримас.
Я говорил: и если ты не робок
И если не боишься пестроты,
Иди вперед. Есть много в жизни тропок.
Иди по ним... и только ахнешь ты!

Вот мы живем. Немножко что-то ноем:
Всё, дескать, будни. Нету их мелей.
Вдруг зрелище: выносятся прибоем
Сверкающие чудища морей.

Доводит до безумья страсть иная.
Я зрелищ раздражающих алкал,
От гонок мотоциклов начиная
До комнаты кривлявшихся зеркал.

И зрелища передо мной плясали.
То яркость охр, то желтизна мастик!
И, как картошка жарится на сале,
Шел треск от фейерверков и шутих.

И подползали зрелища, как звери,
И делали вокруг меня круги.

Глаза сверкали. Пасти розовели.
Приоткрывались медленно клыки.

А скоморохи выставляли рожи,
То хохот, то тоску изображая...
Я наблюдал процессии — и строже
И чопорней вообразить нельзя!

Чего-чего, а зрелищ было много!
Смешней, чем цирк, страшнее, чем расстрел.
В сообществе с людьми, — не одиноко, —
И я на эти зрелища смотрел.

Толпа как тесто — нет трудней замеса...
Взбегает в небо планер по жнивью.
Клубится литургия, стонет месса.
И в юбочках выходит «Айс-ревью».

Был стадион пестрее, чем саванна.
Плясал мулат, сняв шапокляк, в бистро.
Вот зрелище ночного котлована —
Все в огоньках гигантское нутро!

Как мы тогда во все глаза глазели.
Я так же изумлялся, как и все.
И я летел, кренясь, на карусели.
На чертовом кружился колесе.

Китайские на стенах ходят тени.
На ринге клоун прыгает, носат.
Миг — и балет классический на сцене
Спускается, как авиадесант!

И все казалось мало, мало, мало.
Я всасывал в глаза свои балет.
Тогда администрация взымала
Уж четвертную плату за билет.

Бежали кони группкой разномастной.
Мы, вымокшие, жались у перил.
И, словно трудной схватываем астмой,
Я воздух ртом в отчаянье ловил.

Нам что! А им, актерам, может статься,
Невмоготу. Так за верстой версту
Шла женщина дорогой тяжкой танца
В изодранной тунике и в поту.

Мы ежились на зрелищах, как в душе.
Бежали к ним — как в поле, как в леса.
И зрелища нам раздирали души
И подымали дыбом волоса.

Но все-таки есть и дрянной народец,
Что ожидает тайно вдалеке:
Когда ж сорвется вдруг канатоходец,
Когда ж пилот не выйдет из пике?

Но есть на свете зрелища за гранью,
Как говорится, и добра и зла.
Гремит киргизский праздник козлодранья,
И кровь толчками хлещет из козла.

Я верую в необоримый тезис,
Что этот мир был создан на показ!
Я видел как-то, с самолета свесясь,
Извилистый, как будто мозг, Кавказ.

И на глаза не надевая шоры,
Я жил. Входи! Давай билет купи!
Мои глаза, как будто два обжоры,
Все сладко пожирала на пути.
Но фильм подчас закрутят в десять серий!
И мы почти уж падаем без чувств
При зрелище невыносимых мистерий,
Публичных таинств и святых кощунств
Чуднее свадеб и ужасней боен.
Тянулся, как слепец к поводью!..

Закинув руки, среди травы, спокоен,
Сейчас я в небо чистое смотрю.

★ ★ ★

Век людской мог быть бы больше вдвое...

На пространстве губы остудив,
В мире умирает все живое,—
Фото переходит в негатив.

От простуды, от случайных ссадин,
В парке от ударов ножевых...

Там наш год засчитывают за день!..
Мертвые встают против живых!

ЖЕНЩИНЫ

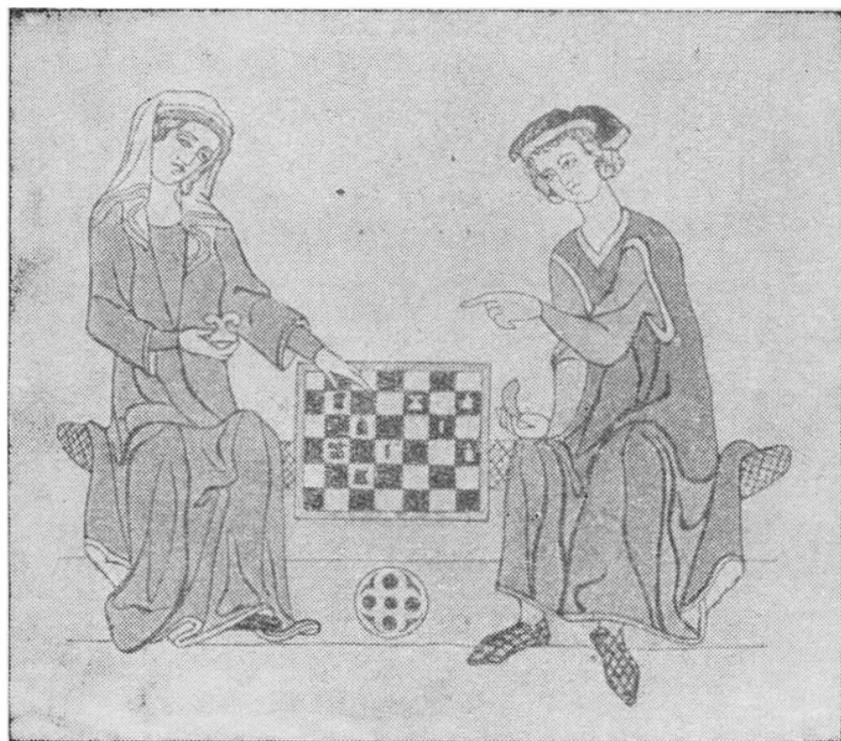
Что б ни было, но ценим все же
мы женщин. И за те года,
когда вдруг холодок по коже
бежал при встрече иногда.

За каплю слабого участия
в минуту страшную беды.

За тот браслетик вокруг запястья!..
За поданный стакан воды!..

...Под утро, дыбась волосами,
сидели, пряди теребя...

За то, что всё не могут сами
они никак понять сэбя.

СЕРЬЕЗНОСТЬ

Кричим, шумим, хохочем,
Но посредине дня
Серьезность, между прочим,
Вдруг посетит меня.

Как бы колдун колдует!..
Она не без причин
Мне на чело надует,
Как на реку морщин.

Не соловей о розе!..
Я движусь напролом —
На полном «на серьезе»
Сижусь, скребу пером.

Не слизыванье крема
Иль пенки с молока!..
Центральная проблема,
Как бездна, глубока.

Какое продолженье
С потерей ферзя?!
Серьезно положенье;
Серьезней быть нельзя!

Я не меняю позы,
От лампы резкий свет.
Поставлены вопросы,
Я должен дать ответ.

Пифагореец мелет
Про тайны разных числ,
Но все же мир имеет
Какой-то главный смысл.

Конечно, не снаружи,
Конечно же, внутри!
Перо сжимай потуже
И в суть вещей смотри!

Я думал: я не вечен!
Коль так, то всё — слова!
И я бывал беспечен:
— Всё пена! Трын-трава!..—
И в мир я верил слабо,
Во все его дела.
Но нъ плечо мне лапа
Серьезности легла.
Я, не жалея пыла,
Кричал:— Мне все равно!..—
Серьезность проступила,
Как через бинт пятно.
Мне дух ее явился,
И думал, что умру!
Я шуткой подавился,
Как костью на пиру.
Суровы в мире песни.
Серьезны фонари.
Серьезен мир, хоть тресни.
Хоть лопни. Хоть умри.

ОХОТНИКЪ МЕДВЕДЪ КОЛЕТЪ ЛСАБАКИ ГРЫЗУПЪ

Жизнь — это конь, что рвется из удил,
Что вертит крупом, скинуть наземь метя...

Жизнь может вдруг подмять,— и я ходил
С рогатиной на жизнь, как на медведя.

Жизнь — это бойкий ботик посреди
Бездн и высот. Гребни же, бел от злости...

Тебе ответ? Так вот он: победи!
Как сказано в грузинском древнем тосте.

* * *

Не доверяйте очевидцам,
Их собранным в гармошку лбам,
Их разругавшимся лицам,
Их оттопыренным губам,
Их скороспелым заявленьям,
Когда они кричат, светясь,
Их громогласным озареньям,
Их фразам: «Помню как сейчас...»

Едим, как свиньи, из корытец,—
Сырые факты лезут в рот.
Поднимет палец очевидец
И вас вокруг пальца обведет!

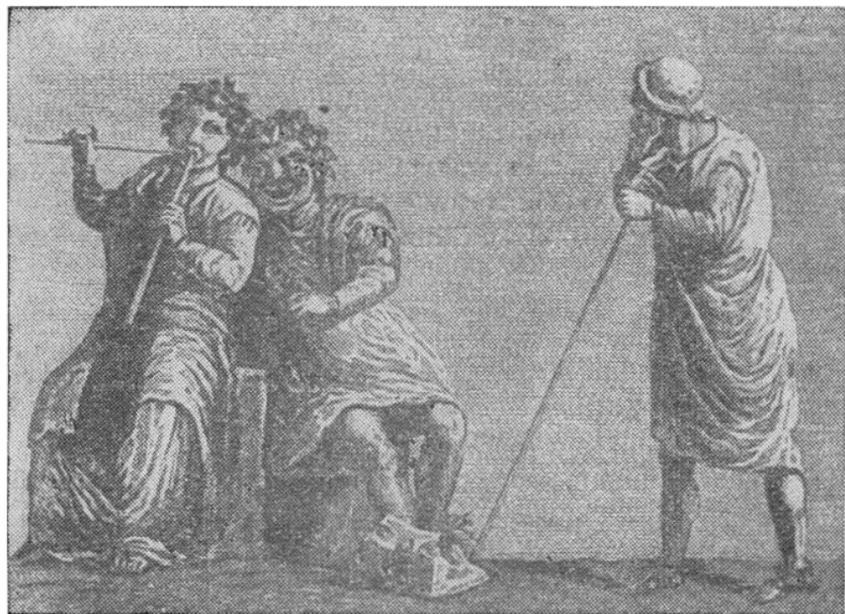
Вы слушаете обалдело,
Как их журчит речитатив...
«Так вот как это было дело...» —
Начнет, глаза полужакрыв.

Он тряпочкой поверхность вытер,
А нет чтоб в сердцевину влезть.
Он думает, что раз увидел,
Так, значит, так оно и есть.

И вот уже сидят князьями,
И вот уж требуют похвал:
Своими видел, мол, глазами...
«Да что вы?!» — рокот подпевал.

Для них ведь все иное — ересь.
И я их сразу раскушу.
«Да вы же фактами объелись...» —
Я встану прямо и скажу.

...Пускай гуторят очевидцы.
Но нет, им не купить меня:
Похлебкою из чечевицы
Является их болтовня!

ОПЯТЬ

**Мирских пучин пугаться не умея,
Плывем, и бьет в полотнища норд-ост...**

**Опять над нами небо Птолемея,
Полночный купол, пористый от звезд.**

**И вот томов опять не надо Фрейда:
Доносится чуть-чуть, исподтишка
Призывная аттическая флейта,
Зовущая подругу пастушка.**

**И пусть тобой подорвана основа,
Эйнштейн! Туда, к предутренней звезде!..**

**...Стал хлебом хлеб. И камнем камень снова.
И тайн опять нет на земле нигде.**

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Веселые самоубийцы
Мчат, накренившись, по шоссе.
В пятно смешавшиеся спицы
Поблескивают в колесе.

Ведь есть автобусы. Трамваи!..
Покинули родимый кров!
Иль мало вам поотрывали
За всю историю голов?!

Им ли листать томов страницы,
Воспоминанья вороша?!
Веселые самоубийцы,—
Им сладок ужас виража!

Неужто же все песни спеты?
Вот тот сидит: кум королю...
Мчат по шоссе велосипеды,
Припали головы к рулю.

О, указательные знаки!
Вы не для тех, кто половчей!
Какие делают зигзаги
Меж «ЗИЛов», «Волг» и «Москвичей».

Что гонит? Вместе всех и порознь?
Какого надо им рожна?
А ничего! Одна лишь скорость
На этом свете им нужна.

Чтоб от дороги, не иначе,
Был угол к линии спины:
Они решением задачи
Статической увлечены!

Чего бояться? Если даже —
Удар! — на людях смерть красна!
Что смерть? Ведь если это в раже,
То как проснуться ото сна!..

Велосипедный мир в упадок
Придет еще не скоро. Вот:
Великая работа пяток
Все злей и злей из года в год.

Лети, не ведая покою!
А воля? Иль она слаба?!
Лишь только иногда рукою
Пот все же вытирай со лба.

Так жми сильнее на педали,
К рулю щекою припади
И где-то в беспредельной дали
В пыли дорожной пропади...

Ну что же, глянем беспристрастно:
И прежде были рысаки.
Ты хочешь рассекать пространство?
Ну что ж, прекрасно! Рассеки!..

Чтобы, застыв в безмерном крене,
Лететь на дом, на столб, на сад,

Чтобы ходили вверх колени
До подбородка и назад.

Руками лишь всплеснешь: — Поди ж ты! —
Им все пустяк! Осенним днем —
Шоссе. И велосипедисты
Как бы кузнечики на нем.

В канаву сядет, чуть не плача.
А раньше ехал фон-барон!
Что это? Спала передача
Или не выдержал баллон?!

Регулировщик, делай пассы!
Но ведь средь городских громад
Великой смелости запасы
Их изнуряюще томят.

Ее оставил дед и прадед.
Любой был в скорости горазд!
Они ее и жгут, и тратят,
И скидывают как балласт.

Их било. Ноги им ломало.
Казалось — хватит. Прекрати!
И все ж ее еще немало
Под майкой слева, на груди.

Вот встала с лошадью повозка.
Удар! И вот уж мертв и глуп
Лежит, и синяя полоска
Взамен потрескавшихся губ,

А ничего — сработал чисто!
О дышло прямо головой...

Могила велосипедиста
Вовек не зарастет травой..

Так вот она пришла, расплата,
За безрассудство этих трат!

...Их кепочки, как бы опята,
Опять на улицах пестрят.

* * *

Потом пахнувшая арена...
Лес за лесом, за гатью гать...

Я скажу тебе откровенно:
Это здорово, так скакать!
Только запах нелегкий пота,—
Голова от него трещи!
Как пирог, что сейчас из пода,
Как густые, с наваром, щи...
Но летят чубы из-под шапок.
Мы от скачки такой орем!
Только пота смертельный запах
Бьет мне в ноздри нашатырем!..
Трудной заняты все погоней,
Демонстрацией мастерства.
Как от тягостных благовоний,
Остро кружится голова.
Эй, джигит, на скаку повисни
Под копыт однотонный стук!..
Этот запах летящей жизни,
Напряженности страшный дух!
...Если есть о смерти забота,—
Мало, что ли, каких забот?! —
Этот медленный запах пота
Ту заботу перешибет.

ПО ТУ СТОРОНУ ЛИЦА

Я как-то раз
на горячей дороге в Альпах, в местности,
где были когда-то концлагеря,
попал в самую середину пыльного
стада овец.

Овцы равнодушно обтекали меня,
как островок,
с обеих сторон.
Они тыкались своими тупыми
курчавыми мордами
в меня и друг в друга.

Они шли, как шли по этой дороге
тысячу лет назад
и две тысячи лет назад.
Они текли, как текла бы
долина вместе с травой,
как текли бы холмы,
как небо с облаками...

Пастух схватил одного барана
и вынул складной нож.
Другой пастух стал разводить
костер для ужина.

Но если поднять лицо человека,
как крышку бака,
под ним будет клубиться
хаос.

Заульгау, 1964

В МЕТЕЛЬ

Я жизнь свою, как бритву, тонко правил:
Хотел, чтоб без зазубринки была...

Жизнь оказалась просто шире правил
Любых! Она черна. Она бела.

Вот занавески длинные из тюля.
Натерт паркет. Будь умник! Не сбѣги...

Жизнь развезло! Смотри в окно, чистюля!
Натягивай до бедер сапоги.

Ворчит шофер. Он, видно, с перепоею.
Повсюду тьма. Где мы сейчас? Бог весты!
И хлещет дождь. Сечет глаза крупую...
И ты поймешь: вот это жизнь и есть.

* * *

Мне вывернуться наизнанку,
Как искренним я быть хочу!..
Так в ночь кодируют морзянку,
Глухому так кричат хрычу.

Лицо. Мое лицо! Не маска.
А ну, дерзни-ка, нараспах!..
Вранье тягуче, как замазка,
Все вязнет на моих зубах.

Закружен как коловращеньем.
Тошнит, как от гнилой трески!
Выплюываю с отвращеньем
Как будто легкого куски!

У искренности нет маршрута.
Ее тяну я — поддержи! —
Из поджелудочной, оттуда,
Из глубины, от железы.

Как Дон-Кихот,— в любых беседах —
Мощь испытать на ветряках!..
Чтоб все вот так, а я вот этак,
Смотрите, нате,— вот я как!

Той искренности подноготной
И самой подлинной хочу,
Ненужной, никуда не годной,
Той, что и мне не по плечу...

Как чистая вода под ряской —
Я б пил, рукою отведа...
Той и бестактной и дурацкой
Хочу, как луч луны — дитя.

Той, что мне, может, станет ямой,
Той, что как встану ото сна,
Хочу ее одной, той самой,
Что — и на столько — не нужна.

ПАМЯТНИКИ

Отпела. Отсверкала. Отблистала.
Что говорить! Все кончено. Прости!..

И памятники сходят с пьедестала,
Чтоб вдаль куда-то через пыль брести.
Они бредут там, где в узлах коренья,
Где капли от дождя как будто ртуть.
На бронзовые падают колени
И каются. Бьют кулаками в грудь.

Мне жалко их! Какая это мука,
Все не уметь и все на свете знать!..
На бронзу лба, жужжа, садится муха,
А нету силы, чтоб ее согнать...

И робкие, как бы в часы учебы,
Они стоят там, где следы копыт,
Где камешки. И все-то ничего бы,—
Да прошлое величье тяготит.

АРТЕЛЬ ПО ВЫВЕДЕНИЮ ПЯТЕН

Над драгой с золотом потели...
С пилой за тридевять земель...
Есть в мире разные артели,
Но это тоже ведь артель!

Вид человека неопрятен,
Коль не отправит в чистку брюк.
Артель по выведению пятен,
Пыхтя, не покладает рук...

Коль пятна от вина — гуляка.
Халаты в йоде — у врачей.
Тут пятна от микстур, от лака,
От дегтя и от щелочей.

Мир в самом деле необъятен!
Чего-чего в нем только нет!
Артель по выведению пятен
Скоблит и трет, глядит на свет.

Бывает всяко на планете.
Сюда идут как бы на суд.
И даже маленькие дети
Свои передники несут.

Прими крахмальную манишку.
От пятен прежних ни следа!
Твое пристрастие к винишку
Мир не узнает никогда.

А это? Ром? Или томаты?
Ведь часто капает с бород!..
Опасный след губной помады
Артель в мгновенье уберет.

Что за полоска? В самом деле?!
Цвет у полоски голубой?!

Так это, помнишь, мы сидели
Весною на скамье с тобой!..

Хотя бы сверху только — ладно!
Полою о полу потри!
А то бывает так, что пятна
Вдруг проступают изнутри.

Пятно навеки опорочит!..
Артель бессонно на посту:
Суконки грозно спиртом мочит,
Макает щетки в кислоту.

Когда ж бывает непонятен
Пятна генезис, тут как тут —
Доцент по выведению пятен!..
На консультацию зовут!
И он определяет разом:
«Да, консистенция жирна!»
Почти не видимые глазом
Закономерности пятна.
И судит он, подобно магу:
«В особом случае таком
Через вощеную бумагу
Прогладить должно утюгом!»

И так с восхода да заката
Идет потеха. Труд как труд!
Кряхтят бойцы. Идет зарплата.
Скребут. Скоблят. Счищают. Трут.
Пусть бархата поверхность рыта.
Где тут ликер?! Где пастила?!
В поту ребята. Шито-крыто.
Идет работа. Ну дела!

Когда же в мире, троекратно,
Архангела раздастся глас,
Артель по выведению пятен
Толпой предстанет в тот же час.
И богу сумрачному в пику
И к справедливости глухи,
Расчетную предъявят книгу,
Где все отчищены грехи...

Но есть одно: раз осенило
Меня на два иль три часа!
Случайно капнули чернила
Ко мне на свитер — как роса.

Пусть все сотрут борцы артели!
Но я бы все же сохранил
Вот эту — видимую еле —
Святую капельку чернил.

ЗЕРКАЛА

Как трудно оторваться от зеркал
В семнадцать лет! И служат зеркалами
Река Москва и озеро Байкал.
Браслетка и стекло в оконной раме.

С велосипедом парень. И как раз
С девчонкою наладилась беседа!
Она молчит. И все ж скосила глаз
На никель обода велосипеда...

И девушка-геолог попила,
Рюкзак огромный вскинув, из болотца,
А все глядится... «Встань! Уже пора!..»
А все никак, никак не оторвется.

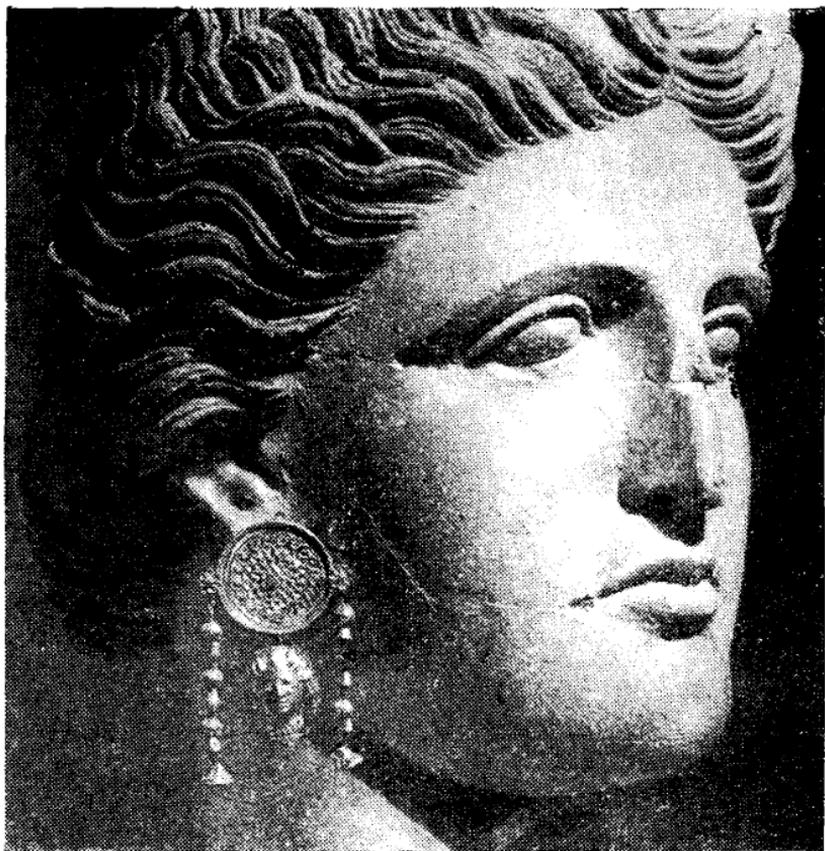
Наверное, все ж в этом что-то есть!
В трюмо себя счастливым взглядом смертью!
Но где-то там за все готова месть:
Завешивают зеркало при смерти.

НАСЛАЖДЕНИЕ

В окне полуовальном — зданье.
Портал. Ворота как пролом...
И — словно школьное задание —
Он водит нехотя пером.

Но, понемногу пламенея,
Он подошел к такой черте...
И вдруг внезапная идея
Все осветила на листе.
И вот огонь уже играет,
И вот котел уже кипит.
Он только руки потирает,
И только стул под ним скрипит.
Приговоренный самосудом
К служенью, он как Вечный жид.
И вот по жилкам, по сосудам
Истома, булькая, бежит.
И все пройдет: стихотворенье,
И стул, и за окном портал...

Но вечно это наслажденье,
Которое он испытал.

ТЕЛО

Вон: в картине иностранной
Прямо, как солдат с поста,
Появляется из ванной
Голая кинозвезда.
И стряхнуть не силашь воду —
Ей лавровый бы венок! —
Демонстрирует народу
Оголенность наглых ног.

Вопли богословских споров!
Тыщи лет: «Хула! Хула!..» —
С колоколен всех соборов
Дико бьют колокола.
В кружку падают динары.
Братия бредет, боса...
Тело хаот кардиналы,
Руки вскинув в небеса!

Женское блистало тело
На постелях. Не в гробах...
То белело, то желтело
Через вырезы рубах.
Телу этому рожать бы!
Обнажается, дабы
Загорать во время жатвы
И во время молотбы.
К сорока годам увянув,
У дородной попадьи
Тело прет из сарафанов,
Как опара из бадьи.

К открыванию Америк
Подготовлены юнцы.
А на теле от бретелек
Темно-красные рубцы.

Голая, поет на нарах
Женщина во весь барак!..

В изумрудах и опалах
Плечи дамы на балах.

У Эола переняла
Ножка ножку бьет хитро...
А из пены пеньюара
Грудь круглится, как ядро.

Вот у волейбольной сетки
Встала в трусиках с мячом,
И две оспинки-отметки
Между локтем и плечом.

При стечении округи,
При стечении большом
Бродит баядера — руки
Вскидывает — голышом.

О цветок кафешантана!
Все мужчины без ума!
Черта, дьявола, шайтана
Нет ли на лбу клейма?

Пляж. Из тростника кабина.
Вышла. Ну смелей! Иди..
Ничего — лишь два рубина
С беломраморной груди.

В женские тела, как в реки,
Входят. Но ведь, как богам,
Древние молились греки
Шеям, бюстам и бокам!

Здесь величию нет предела!
Глянь сквозь слезы, не дыша!
Разве же в изгибах тела
Не скрывается душа?
Все от пят до самых дланей
На холстах отражено...

Скотство низменных желаний
Все ж таки таит оно!

Обнаженное несмело,
Девочек, теток, молодых
Предано проклятью телом..
Вечно восхваляем дух.
Дух, тебя встречать «Осанной».
Плоть, тебе позор всегда!..

Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!
Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!
Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!
Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!

СЕРЖАНТ НА КОНЦЕРТЕ

Спит сержант на концерте,
Упав на барьер головой...
...Там актеры, как черти,
По сцене бегут круговой.
В тонких юбочках феи
Там ножками бьют на лету.
Знатоки, корифеи,
Ценители в первом ряду...

Спит сержант на концерте
(Он топал по вмятинам шпал!..).

Захотелось до смерти
Уснуть... Головою упал.

Гул все глуше и глуше.
А вот и последний хлопок.
И гигантские лужи
Стоят у гигантских сапог.

Спит сержант на концерте.
(Дороги вовсю развезло!..)

Как спалось мне под Верди!
Как было тогда мне тепло!

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Однообразный, однозвучный,
как на основе ткацкой нить,—
быт. Я фантазией научной
хочу себя воспламенить!

Подай мне факт, к чему мне фактик?
Дай факт, чтоб он меня потряс!

Хочу я верить: из галактик
уже сигналы ищут нас...

Глубинной тайной мировую
слепящий потрясет болид!..

А сердце болью бытовою
тихонько пусть себе болит.

РИСК

Все в мире начиналось с риска.
Я в руки передал из рук,—
И все ж к учителю записка
На физике попала вдруг.
Что в мире может быть без риска?
Вдруг кто-то встал —

и по путям

Пошел, и сразу ж дом, прописка,
Семья — вся жизнь! — летят к чертям.
Мир — это риск.

Все мирозданье

Как будто бы накрено.
А как опасно прорастанье! —
Всегда на риск идет зерно.
Быть в мире не рискуя — низко,—
Ведь мы же быть хотим людьми!
В конце концов, и зубочистка
Подчас опасна, черт возьми!
Легко ль хождение по канату?
Немного побледнев с лица,
Как сладко разбирать гранату
Неведомого образца.
И прожит день, считай, без толка,
Коль не было в тот день высот,
Но сразу ж славно жить, лишь только
Под ложечкою засосет.
Как смело верх берет хористка!
Рыбак рванул — сорвется сом!
Ведь злая соль святого риска
У нас подмешана во всем.

**Вдруг в рост подняться — на траншее...
И не поставят обелиск!
...Но нет фундамента прочнее
Для наших дел земных — чем риск.**

* * *

Левее все, а я беру правее.
Все стали злей, а я вдруг подобрел.

...Я ни за что на свете не поверю,
Чтоб чай тянул из блюдечка Бодлер...

Душа — она на все имеет право.
Она гудит,— в ней свой особый гуд.
...И я возьму левой, лишь только вправо
Они сейчас толпою побегут.

* * *

«Мир приключений» был такой журнал.
Я, помню, раздобыл подшивку где-то...
Кто не сидел над нею до рассвета —
Тот сам себя безбожно обкорнал!
И как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в себя ночное чтиво...
Надвинутая кепка детектива.
Корабль, затёртый насмерть льдами. «SOS!»

Жизнь — приключение. Иди. Живи!
Вон — побережье моря, реки, взгорья...

...Но ты, смотри, на помощь не зови,
Когда вдруг жизнь возьмет тебя за горло!..
В глухой тайге напьешься из корца...
Умрешь — положат в Грузии к чинаре...

...И жизнь твоя как повесть без конца
В том чудном и растрепанном журнале.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Вот мы, голые, встали пред военкомом.
Вот нам пальцами доктор о грудь постучал.
А за окнами криком густым, незнакомым
Паровоз объявил о начале начал..
Бьется кружка с противогазной коробкой.
Эй, приятель, да ты побледнел неспроста!..
Он недвижим. И медленно божьей коровкой
Капля алая вытекла вдруг изо рта..
И пошло. Словно тесто, что выпеклось комом,
Лагеря и бараки. Поспать бы, поесть!
С той минуты, когда мы пред военкомом
Молча голые встали — такие, как есть.

НА ВЫСТАВКЕ СОБАК

Иду к барьеру, угадав
На расстоянии породу:
В медальях рвется волкодав
На умиление народу.
...Но вот, хвосты поджав под зад,
Остервенелые,— в сторонке
От раздражения дрожат
Избалованные болонки.
А тут слюну пускает дог.
Сидит над костью, рыжий скаред.
Рычит на нас — ах, чтоб ты сдох! —
И зубы, свирепея, скалит...
...Поразводили кобелей!
Сидит,— подобье истукана!..

А ну, попробуй, заболей,
Умрешь — не подадут стакана.
Глас вопиющего звать
В пустыне будет!.. Но за благо
Сочтем, что душу изливать
Есть все же на кого,— собака.

Брюссель, 1965

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ

Человек парадоксальный.
В северный уйдет полет.
Анекдотец выдаст сальный.
Песнь, рыдая, пропоет.
Все смешалось, все смешалось!
Ничего понять нельзя,
Где серьезность в нем, где шалость?
Закричит, перстом грозя.
То покорность вдруг во взоре...
Удила вдруг закусила..
Все в нем словно бы в растворе,
Что взболтнули что есть сила
То он к доту подползает...
То сидит, сердя чело...
Человек и сам не знает,
Кто он, что он, для чего?

* * *

Сижу сутулясь, предо мной учебник,—
Моя мольба восходит горячо!
И добрый появляется волшебник,
Заглядывает мне через плечо...
Бьет арсналет, разламывая в щебень
Быки моста,— обрушился кессон.
Но трехминутный перерыв волшебен,
И ангел машет мне,— и я спасен!..
Мы ищем гриб — а ждем, чтоб почему-то
Вдруг вышел в колпаке высоком гном!..

...Но разве можно без наличья чуда
Постичь задачу, выжить под огнем?!

ОРЕНБУРГСКИЕ БАБЫ

Были скатаны скатки.
Вышли — сорок парней...
Выпадали осадки
Вот уж несколько дней!
От бесхлебицы слабы
По пескам, по камням...

...Оренбургские бабы
Миски вынесли к нам.
Людям низкого званья
И желать всяких благ?!

А какие названья —
Бугульма, Акбулак!..
Нам, худым, некрасивым,
Все идти на закат.
А за лесомассивом
Комбинат «Силикат».
...За этапом этапы,—
Ни семьи, ни родни...

Оренбургские бабы,
Вы лишь были одни.

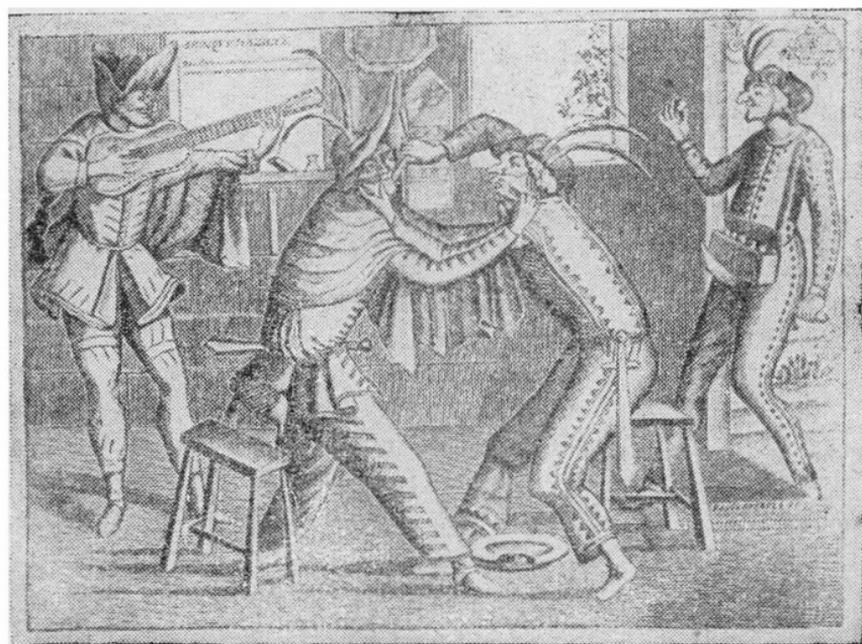
★ ★ ★

Тогда приходит сказка
Подарком даровым,—
Необходима встряска
Всем людям деловым...

Процесс чередованья!
Как в скалах апатит!
Чуть-чуть очарованья
Кому же повредит?!
Сидят себе, смакуя,
Как терпкое питье...
Вовеки не смогу я
Все ж вынести ее!

Я все-таки по крови
Твой, Русь, интеллигент!..

Мне все б срывать покровы
И с мифов и с легенд.
Пусть кто-то сказку любит...
Я ж рад — исподтишка
Коль истина проступит,
Как шило из мешка.

ВРАГ

Мы медленно слова жевали,
Как будто бы комок смолы.
Мы и врагов не наживали,
Поскольку не были смелы!..
А надо все же гаркнуть басом,
Нельзя же вечно тенорком!
И по столу неплохо б часом,
Прогневясь, шаркнуть кулаком!
И я нажал бы на педали:
— А, испугались! Что? Ага!..

...И вот тогда бы мне подали
И настоящего врага...

• • •

Один спускался внутрь вулкана
И за кораллами нырял.
А этот, сгорбясь у органа,
Рыдая, создает хорал...
Я тоже в страшный час России,
Когда торжествовал тротил,
Зеленоват от дистрофии,
Портянки черные крутил.
...Вбивают сваи в робах потных.
С усмешкою идут в тюрьму...

Любой на свете нужен подвиг,
Себе же нужен, самому.

ПОЛЕТ

Страшные нужны усилия,
Подвиг злой и озорной,
Чтоб распластанные крылья
Приподнялись за спиной.

Сколько ж, сколько ж надо пыла?!
Смертным потом пропотей!..
Надо, чтобы проступила
Нынче кровь из-под ногтей.

...На губах предстанет пена...

И тогда внизу, вдали,
Вдруг растают постепенно
Очертания земли.

1. НЕТЕРПЕНЬЕ

Поэт — скуласт, как азиат.
Хоть дело делает благое,
Он поднимает газават
Против блаженства и покоя!

Он с саблею, неумолим,
Полки на бой ведет... Высоко
Знамена над чалмой — над ним —
Горят — зеленые — пророка.

Он нетерпением объят...
Он столько взять успеет за день!
Поэт — скуласт, как азиат,
Лукавоглаз, скуласт и жаден.

Его когда бы поскребли —
Под слоем пепла море лавы...

Поэт сжигает корабли!
Он подрывает переправы!

Его не задрожит рука...
Он связан с буйностью и риском.
Он, как десантник, языка
Ножом раздобывает финским.
Хоть кровь по капельке сочась...

Поэт — он лавры пожинает!
Он слово выучил «сейчас»,
Он слово «погоди!» не знает.
И хочет, видно, потому
Он до зубовного скрипенья...

...Я тоже знамя подыму
Бескрайности и нетерпенья!

2. СУТЬ

Поэту все мешает на планете.
Молчание. И то, что гомонят.
Коль нет детей. И если плачут дети.
Коль есть семья. И если не женат.
И он, как знахарь, медленно мешает
Все то, что закипает в глубине..
Поэту в этом мире все мешает.
Воротничок. Картина на стене.
Он, как сквозь чашу, движется сквозь вещи.
Здесь топь: мгновенье — и, смотри, погряз...

...Он гонит все, чтоб проступала резче
Та суть, что укрывается от глаз.

3. ЖЕСТ

Идет в сберкассу иль садится есть
Поэт, в сонете о себе поведав...

И все же что-то варварское есть
В таких лохматых обликах поэтов!

И то, как говорит, и то, как ест,
В нем только человека выявляет...
И все-таки великолэпен жест,
С каким подчас он кепку поправляет!

Тот иль не тот? И сразу вскрикнешь: — Тот! —
Когда он вдруг, нагляя понемногу,—
С размаха навзничь в кресло упадет
И на ногу когда закинет ногу...

4.

Поэт чертей рисует на полях,
А может быть, ползучие растенья...

Не пишется, и ведает аллах,
Сумеет ли дожждаться настроенья!
Поэт рисует на полях чертей.
Покуда суд да дело, чертит сбоку,
Налег на стол всей тяжестью локтей
И крепко языком уперся в щеку.
Волнуется: придет ли? Ерунда!..
Но внутренне в смятенье. Он рискует!

А вдруг и впрямь уж больше никогда?..
Ну а пока поэт чертей рисует.

5.

— Что нужно, чтоб поэтом стать? —

когда-то

Я с детским простодушием спросил...

Мне многословно и витиевато

Все объясняли, не жалея сил:

— Вот то-то делай. Этого не надо!

Читай вон то. Используй каждый час!..—

От этих наставлений, как от чада,

Трещала голова.

Но как-то раз

Я вышел — у киоска, где газеты,

В сосульке зайчик солнечный плясал!..

И плюнул я. И все забыл советы.

И первый стих тогда я написал.

6.

Там у лотков, где книжные развалы,
Где как-то боком только можно стать,
Мы, книжники, юнцы, провинциалы,
Поэмы громко примемся читать.

Рукой махая, книгами гружены,
Мы, вышедшие лишь на пять минут,
Пойдем бродить, и в комнатенках жены
Нас, в огорченье, ночью проклянут...

...Ходите же всю ночь в фонарном свете,
Нас мало — это как ни назови,
Но это, знаю, выше здесь на свете
Всего, и даже, может быть,— любви...

7.

Хочу быть начинающим поэтом,
На метра говорящего смотреть...
Он грозный ходит, он брюзжит при этом.
Его лицо багрово, словно медь.

Он в кресло опускается устало.
Он дышит трубкой, тяжело дыша...
О, как бы я хотел, чтоб трепетала
В надежде и неведенье душа!

Он щелкнул пальцами, ища примера,
Нашел, и голос вверх идет, звеня,—
Тут что-то из Шекспира, из Гомера.
Я сник. Я стих. Уже он стер меня...

Но вот он поднимается из кресла,
С улыбкой слабой треплет по плечу.
И ожил я. Душа моя воскресла!
Счастливый, я на улицу лечу.

Средь города, средь бешеного мая
Лечу я, не скрывая торжество,
Тетрадку к сердцу крепко прижимая,
Не видя и не слыша ничего...

8.

Поэт загадывает слово...
И вот, быть может, потому
Не помнит он на свете злого,—
Все в мире нравится ему!
Все в мире так ему приятно.
Он рад дыханию ветров!
И солнце, и на солнце пятна —
Он все благословить готов!
Он силу мрака умаляет,—
Шахтер, покинувший забой!
Его безмерно умиляет
Все, что он видит пред собой..
Но все приобретает снова
Свой первозданно черный цвет,
Когда задуманное слово
Отгадывает целый свет.

10.

За стол садится молодой поэт
Стихи писать. И бог сошел. Досада!
Никак не получается куплет,
Которого с неделю ждет эстрада.
Эй, отойди! Ты мне мешаешь тут!
Твое нахальство, право, без предела.
Что вдохновенья! Нужен труд да труд,
Чтоб к сроку кончить начатое дело.
Там образов надменных чехарда,
А эти строчки и ровны и гладки!..
Меня куда-то тянет не туда,
Но я упрюсь...

И будет все в порядке.

12.

Теперь мне нужен — крупный план...
Не быть подобным ювелиру!
Пускай меня во весь экран
Предъявят ахнувшему миру.

К чему бы с лупою корпеть
Над Баратынским и Платоном?..
Хочу в магнитофон напеть
Стихи непрочным баритоном.

На публику, как с потолка,
Вдруг прыгнуть с легкостью балетной!
Планету нашу в три витка
Обвить магнитофонной лентой...

13.

— Мы из разного теста!..

— Странный спор! Ну и что ж?

С оста я, ты же с веста.

Ты точило — я нож.

Ты вещаешь пространно,

Я ж противник длиннот...

Ты ведь пластырь. Я рана.

Ты анод. Я катод!

Мы враги, но гораздо

Нас мудрей этот свет,

В нем ведь, кроме контраста,

Ничего-то и нет...

14. ПОЛЕМИКА С ВЕКОМ

Поэт,— я очиняю
Чернильный карандаш:
Я с Веком начинаю
Давнишний диспут наш.
Коптит фитиль на нарах,
Конъюнктивит слезя...
Такого и в анналах,
Поди, найти нельзя!
Как винное брожение
Бушуй, до зари
Мое воображенье
Пускало пузыри...
Никто ведь, может статья,
До тех не шел высот?!

Безумье святотатца
Меня всю трясет.

Губу поджал сурово,—
А Век неумолим!
Я победил!.. Но слово
Последнее за ним.

15. АВТОБИОГРАФИЯ

А надо мной, как меч Дамоклов,
Мой смертный час, и я спешу.
Ведь я свой собственный биограф,—
Я биографию пишу!

Где я родился. Где я вырос,
Чем занимался, где служил...
Рубахи нижней длинный вырез
Мне грудь по пояс обнажил.

Вот мелких дел моих реестр...
Я современник свой живой.
Что делать мне?
Ведь я свой Нестор —
Полночный летописец свой.

Кем был. Что значу. И что стою...
Что руку двигает мою?

Черту — помалу — за чертою
Я свой портрет воссоздаю.
Я мог бы обозреть, конечно,
Своих деяний громкий круг.
Как смел я. Как любил я нежно.
Я как отец. Как муж. Как друг.
Как мудр! И где мои истоки.
Намек на что-то — остротца!..
И замер я б навеки в тоге
Неустрашимого борца.

Но откровенности кривая
Несет. Во мне тоска живет,
Грудь перед миром раскрывая,
Как пред анатомом живот.

СОДЕРЖАНИЕ

Артистизм	5
Мое мастерство	10
Вдохновение	11
Пиры	13
«Моего поколения люди...»	14
«Предан праведный субботе...»	16
Вещи	17
«В замке плакала принцесса!..»	19
Хватка	21
Крестоносцы	23
Пророк	24
Азия	25
«И тогда приходит старость...»	27
Зацепка	28
«Вечно: «Запрещено!»...»	29
Летописец	31
Он	33
Государственность	34
«Где ты, русский степенный мужик с боро- дой...»	37
Иллюзия и хлеб	38
«Любят падчерицы мачех...»	39
Я рисую солнце	41
«Я люблю людей угрюмых...»	42
«Ничто на свете пусть не окропит...»	43
Катанье на тройке	45
Смех	47
Зрелища	49
«Век людской мог быть бы больше вдвое...»	53

Женщины	55
Серьезность	57
«Мне быть хотелось просто честным...» .	59
«Жизнь — это конь, что рвется из удил...» .	61
«Не доверяйте очевидцам...»	62
Опять	65
Велосипедисты	66
«Потом пахнувшая арена...»	71
По ту сторону лица	72
В метель	73
«Мне вывернуться наизнанку...»	75
Памятники	77
Артель по выведению пятен	79
Зеркала	82
Наслаждение	83
Тело	85
Сержант на концерте	88
Научная фантастика	89
Риск	91
«Левее все, а я беру правее...»	93
«Мир приключений» был такой журнал...»	94
Начало начал	95
На выставке собак	97
Парадоксальный	98
«Сижу сутулясь, предо мной учебник...» .	99
Оренбургские бабы	100
«Тогда приходит сказка...»	101
Враг	103
«Один спускался внутрь вулкана...»	104
«Я мало отдаю внимания природе...» . . .	105
Полет	106

Из цикла «Поэты»

1. Нетерпенье	107
2. Суть	109
3. Жест	110
4. «Поэт чертей рисует на полях...» . .	111
5. «Что нужно, чтоб поэтом стать?..» . .	112
6. «Там у лотков, где книжные развалы...»	113
7. «Хочу быть начинающим поэтом...» .	114
8. «Поэт загадывает слово...»	115
9. «Подумаешь, Америку открыл!..» . . .	116
10. «За стол садится молодой поэт...» . .	117
11. «Когда вода была ему по пояс...» . .	118
12. «Теперь мне нужен — крупный план...»	119
13. «Мы из разного теста!..»	120
14. Полемика с веком	121
15. Автобиография	122

Винокуров Евгений Михайлович

ЗРЕЛИЩА

М., «Советский писатель», 1968, 128 стр.
Тем. план вып. 1968 г. № 147

Художник **В. В. Медведев**
Редактор **Д. Н. Голубнов**
Худож. редактор **Е. Ф. Капустин**
Техн. редактор **Т. С. Ступникова**
Корректор **Н. П. Задорнова**

Сдано в набор 5/VIII 1967 г.
Подписано к печати 3/IV 1968 г.
А 12973. Бумага 60×70^{1/16}. № 1
Печ. л. 8 (6,24). Уч.-изд. л. 3,35.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 280.
Цена 43 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, В. Гнездниковский пер., 10.

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

43 коп.

ПЛЕШІ БРА ДЕТИКА: НАДУЛА МОА ВОЛЫНА · РАГІМБА ТОМ
 СВОІ НОШКІ: ВІАЙ ПІЩА ТРУБЫ АКО КОШКИ: ВОСЬ
 ТУ ЗХВАКУ · ХВАТ БРА ВПРІСАКУ · А ПОТ ВОЄ ОХОТ
 ІГРАЮ І НЕ ІЮНОТЕ · АНА ПРЕІРАНАА МЪЗЫКА: ЗАБА
 ВА ОЧІ ВЕЛИКА · ЕЖЕЛІБЫ КНЄ РЫЛЕ БЫЛІ: ТОБЪ НЕТА
 РА ВЕСЕЛІМІ & СПАСІБА СТА ЧТО МЕНА О ВЕСЕЛАЕШ
 НАВАЛЫКЕ ПАЧЕ ОРГАНО ІГРАЄ · МОА ІГРА СІА ЛЮ
 БЕ НАА: А ПЛЕСА ОЧІ ПОЛЕНАА · ПОЖАЛУСТА ЗАІГРАЙ
 БЫЧКА НА МАУ: АА ПЛЕСА ПОКОРЄ ПОІДУ
 УТОЛА БРА СВОИ СКУКІ ПЛЕШІ

